

ЦВИНГЕР

ЕЛЕНА КОСТЮКОВИЧ

ЦВИНГЕР

Роман

издательство аст

2013

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К72

Published by arrangement with ELKOST INTL. LITERARY AGENCY

В оформлении обложки использованы снимок АЛЕКСЕЯ ПИВОВАРОВА (Милан, 2006 г. Церемония закрытия XX Зимних Олимпийских игр) и фотография дворца Цвингер в Дрездене.

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Костюкович, Елена

К72 Цвингер : роман / Елена Костюкович. — Москва : АСТ : CORPUS, 2013. — 752 с.

ISBN 978-5-17-080815-1

Елена Костюкович известна как блистательный переводчик Умберто Эко, а также как автор книги «Еда. Итальянское счастье» — культурологического сочинения, выходящего за рамки жанра и заслужившего мировое признание.

Память, величайший дар, оборачивается иногда и тяжким испытанием. Герой романа «Цвингер» Виктор Зиман «болен» памятью. Он не может вырваться из-под власти прошлого. История его деда, отыскавшего спрятанные нацистами сокровища Дрезденской галереи, получает экстремальное продолжение во время Франкфуртской книжной ярмарки 2005 года. В водовороте захвативших Виктора приключений действуют и украинские гастарбайтеры в сегодняшней Европе, и агенты КГБ брежневской эпохи, и журналисты «свободных голосов», вещавшие во времена холодной войны и разрядки, и русские мафиози, колонизирующие мировое пространство.

«Цвингер» многогранен: это и криминальный триллер, и драматическая панорама XX века, и профессиональный репортаж (книжная индустрия отображена «изнутри» и со знанием дела), и частично автобиография — события основаны на семейной истории автора, тщательно восстановленной по архивным материалам.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-080815-1

- © Е. Костюкович, 2012
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2013
- © ООО «Издательство АСТ», 2013
Издательство CORPUS ®

Оглавление

<i>Перед тем как Виктору Зиману...</i>	9
СУББОТА, 15 ОКТЯБРЯ 2005 Г. МИЛАН	11
ВОСКРЕСЕНЬЕ, 16 ОКТЯБРЯ 2005 Г. МИЛАН — ФРАНКФУРТ	157
ПОНЕДЕЛЬНИК, 17 ОКТЯБРЯ 2005 Г. ФРАНКФУРТ... ..	337
ВТОРНИК, 18 ОКТЯБРЯ 2005 Г. ФРАНКФУРТ	413
СРЕДА, 19 ОКТЯБРЯ 2005 Г. ФРАНКФУРТ	487
ЧЕТВЕРГ, 20 ОКТЯБРЯ 2005 Г. ФРАНКФУРТ	557
ПЯТНИЦА, 21 ОКТЯБРЯ 2005 Г. ФРАНКФУРТ — МИЛАН — ВЕРСИЛИЯ	615
СУББОТА, 22 ОКТЯБРЯ 2005 Г. ВЕРСИЛИЯ	665
Ну и... ..	749

*Прочитать бы жизнь,
а не перейти.*

*Главная благодарность — Любе Сумм,
родственнице, укрепительнице и почти соавтору*

ПЕРЕД ТЕМ КАК ВИКТОРУ ЗИМАНУ...

Перед тем как Виктору Зиману выслали по факсу отрубленную голову его ассистентки Мирей, он сидел в «Ирохе» во Франкфурте с Бэром и ел темпуру. Была среда. Началась эта катавасия в субботу, перед ярмаркой, в миланской квартире Виктора, где все было совершенно похоже на всегда.

СУББОТА,
15 ОКТЯБРЯ 2005 Г.
МИЛАН

Нет мучительней дней в году, чем срединная октябрьская неделя, отрезающая шлейф лета. Фиеста окончена, отфланировано, отплавано. Хрен вбредешь в мутноватую водицу в Лигурии, хрен наденешь гавайскую размахайку.

Загар еще не начинал слезать. Что ж, будет стариться под застегнутыми манжетами. После Франкфурта, где помоги вообще бог перекрутиться без снега, а уж фирменный ярмарочный дождь положен в программу, не отбояриться! — намокнешься у фрицев, по возврате в Милан ждет промозглая осень.

Это в перспективе. А пока что балкон залит солнцем. Оттуда входит пышноволосая тень.

— Мирей, привет! Долетела! Быстро как! А это что у тебя в волосах — карандаш?

— Вместо заколки.

— Интересно. Только в твоих пружинах может держаться. Рад тебя видеть.

Виктор дожевывает тост, утирается, перепасовывает в мойку стакан, чашку. Мирей уже тут, а он еще завтракает, идиот.

— Хочешь тост?

Она не хочет тост, она работать приехала. Отныне она приезжает только работать. Как будто ничего не было. Солнце яркое, погулять бы как раз сегодня. Как же, погуляешь с этой Мирей, с Бэром этим, с Наталией тоже... Кругом стахановцы.

— Ты у нас типичная стакановка.

— Что бормочешь, не разобрала.

— Думаю, по-французски будет так. У итальянцев он точно «Станов». Советский шахтер, много угля добыл. А по-русски — фамилия будто от «стакан». Из которого пьют водку. Звучит комично.

У вас во Франции Стаханова не знают. И я, покуда жил во Франции, не знал. При всем моем русском происхождении.

Странно даже, размышляет Вика, как я это в детстве от мамы не слышал. Видно, к случаю не пришлось. А ведь сколько она всего русского в Париже нарасказала, начитала вслух. Но о Стаханове узнал, только когда переехал в Милан. Двадцать три тому назад года. Тогда в моде был советский лексикон. У его итальянских дружков был в моде.

— А я, Мирей, жду от тебя последний вариант франкфуртских переговоров. Расписание, или ростер, как ты выражаешься. Жареный петух... У меня он трехдневной несвежести. Вот гляди: «Франкфуртская книжная ярмарка. Агентство “Омнибус”. Встречи Виктора Зимана. Последние изменения внесены Мирей Робье 12.10.2005». А сегодня пятнадцатое.

— Так ведь послала тебе файл из Парижа, ты не подтвердил получение.

— А у меня письмо стерлось по ошибке.

— Говорят, уже придумали систему, чтобы письма оставались на сервере и можно было их повторно скачивать. И из других компьютеров почту проверять.

— Неужели. Вот это я понимаю, дело! А то привязаны каждый к своему «Бэту», как каторжник к ядру. Надо бы эту новую систему поставить поскорее всем нам в агентстве.

— Поставить можно. Да ты же вообще мейлы не смотришь. Переправляешь их мне, чтобы отвечала. Кроме мейлов из «Ла Стампа», конечно!

Мирей явно хочет сказать: «Кое-какие мейлы от твоей зазнобы я все же нахожу в рабочей почте».

— Я сам стараюсь на все отвечать, Мирей.

— Оно и видно. Не важно. Вчерашние ростеры, естественно, устарели. Все опять переставилось. Скину тебе новую таблицу. Где, вот тут под столом, да, хвостик для интернета? Подключаю?

Под окнами профессионально высвистывает — почему-то не в свисток, а в два пальца — лысый, прыгучий пенсионер. За летнее время в Милане, за послеполуденное судейство обуглился до коричневости. Энтузиаст. Двор Викторова дома превращен в футбольное поле: незагроможденное пространство-параллелепипед плюс добросердечные, а может, слабохарактерные жильцы. Субботами подростки четырех околотов, братва

из соседнего реального училища против сборной командой обитателей Навильи, гоняют мяч в торцовой части Викторова тупика. Мяч шибается о тарелочные антенны, о мусорные баки, которые, хотя и вдвинуты в ниши фасадов, подвертываются под горячую ногу. Раньше подобные дома, парадными окнами на улицу, скудными балюстрадами во двор, с проходом в квартиры по чугунным балконам наподобие нью-йоркских (в конце такого балкона до войны обычно размещался единый на весь этаж клозет), эти дома на ломбардском севере назывались галерейными («ди рингера»), в них обитал пролетариат. А теперь тут дизайн-богема и арт-бомонд. В этом районе особенно. На каналах. По-итальянски они «Навилли».

Стираное белье тем не менее, как и в люмпен-времена, полщется между окнами. Развешано оно и на ярусах, на никелированных раскоряках. Белье, конечно, страдает от футбола. Видавшие виды первоэтажные жильцы баррикадируются пузатыми прутьевыми частоколами. В выпученные с завитушками пазухи ограждений вставлены горшки гераней. Герани дрожат и опадают даже не от стука мяча, а уж и от одних его бурных перелетов.

Да, это спелая срединно-октябрьская суббота. Солнечно, ветра нет, есть только выникание ароматов из черного хода пекарни — прогретого розмарина, олея. С набережной долетает цоканье кабдуков, и шваркают по булыжникам металлические стулья, запинаясь о ножки столиков. Ножки, ножки. Стульев и дам. Сколько чудесных дамских но... номеров скоплено в сотовом телефоне, нажать бы кнопочку. Так нет. Вике Зиману по службе положено сидеть тут и скучать, как в самый гнусный понедельник, по выражению одного неизвестного на европейских широтах песенника, насмерть надорвавшего в Москве в горячке олимпийского лета, ровно двадцать пять лет назад, хрипучую глотку. Ни в бесчувственной к горлопану-поэту Франции, ни в сердечной Италии, которую тот понапрасну очаровывал, никому ничего не говорит его гремевшее в СССР имя. Никому, кроме Виктора. А ведь когда с крыши киоска Вика фотографировал Таганскую площадь, в июле восьмидесятого, вспученные от пота рубахи милиционеров, гирлянды голов, свесившихся с карнизов и с крыш над колоннами тех, кто плакал и слушал разнбойные, разбойничьего хрипа, магнитофоны — песни неслись из раскрытых окон, с подоконников, — казалось, что это самые многолюдные похороны на Земле.

Никто не самоубился с балкона о гроб, как студентик на похонах Сартра, но градус истерики был столь высок, что только чудом этого не случилось...

Типично русское преувеличение. Конечно, Ленноновы похороны в Нью-Йорке спустя пять месяцев в том же году были, надо полагать, люднее. Но на Ленноновых Вика, хотя скорбел, все же не побывал. А хоронить Высоцкого, поскольку в это время торчал в Москве, естественно, бросился. К тому же Антония всю ночь держала ему место в очереди на Радищевской улице. Сидела, сжавшись, на испачканном пометом голубей бордюре тротуара и тушила. Это и естественно, учитывая роль Антонии в этой истории и даже в гибели буйного гения.

Все двадцать шестое июля Антония, впервые за весь второй (он же последний) месяц их с Виктором знакомства, отбивалась от Викторовых объятий и рыдала как умалишенная. Не поехала на стадион с итальянскими туристами. Это было доложено наверх. Как и то, что Антония допустила итальянскую стриптизерку сниматься на Красной площади. А еще было доложено, увы, кое-что очень даже потаенное. И доведено не до интуристовского начальства, а совсем уж до кого надо — доведено до органов. Те все прознали: и что через Антонию шло распространение антисоветского выпуска «Правды», и кто снабжал идола-певца лекарствами в недозволённых количествах. Плюс к тому советские комитетчики явно обменивались информацией с итальянскими спецслужбами...

А еще как знать, не сыграла ли роковую роль одна Викторова безответственная фразочка.

Но пока это еще не вскрылось, не лопнуло, — всю предшествующую неделю Антония терзалась в основном о певце-страдальце и крутила надрывные песни, магнитофон. Виктору в молодую память они вводились нарезом по сердцу. И запомнил он тогда почти все песни наизусть. А Антония — как ни обожала Высоцкого — цитировала с ошибками. Зато сплошь и рядом. Хотя большей частью невпопад.

«Спасите наши души» — это когда Виктор с Антонией глохли от дружного безгласного крика, удушливыми ночами, и Антония обтирала Викину спину углом простыни, и прокладывала между ними, обессиленными, полотенца — столько было молодого пота, — и зажимала ему губами рот: «Тише, близких перебудешь!» Жутко трогало Вику это «близкие» вместо «соседи». Которые,

кстати, слушали из-за картонной стенки и особенно из «жучков», щедро расставленных в интуристовской гостинице. Чем, как не обрывками чужих полупонятных речей, было им отборматываться от новоприобретенного совсем еще свежего счастья? Месяц летел как в угаре, как в бреде. «Мы бредим, отьдущий!» Это вроде они говорили мимохожему, не допущенному в облако их экстаза. Тому, кто «идет на меня похожий, глаза опуская вниз», быстро думал опять-таки цитатой и тут же быстро забывал Вика.

Что в цитатах у Антонии была тьма ошибок — неудивительно. У Антонии русский выученный. Не родной, как у Виктора. Запоминать стихи струями сподручней на материнской мове. В этом Виктор убедился, отучившись во французских и швейцарских школах. Запоминал-то он с легкостью феноменальной, от мамы Люки унаследованной. Легче всего — русское. Песни — тем более. Вот и сейчас взбулькнула в памяти запомненная с допотопной пленки мелодия.

Похмыкивая песенку про рецидивиста, Виктор побрел в глубь вытянутой, как цепочка сосисок, квартиры.

Мирей суха, профессиональна. Забралась в интернет, подключилась к принтеру. Плюхнула на конфорку кофеварку, затянула шторы, чтобы жизнь не отвлекала от работы. Превратила квартиру в контору.

— Пока заводится, вот новая распечатка. Раз ты уж тут со мной рядом жмешься.

В переводе с ее жесткого французского на язык подтекстов: «Почему ты, кстати, ко мне жмешься? За четыре месяца в Париж ни слова не прислал. Ясно, у тебя ко мне интерес уже выветрился. Ну пожалуйста. Езжай в Турин и жмись к этой новой... в анжеллиевском логове... На службе капитала... Где идеалы вашей юности, компаньеро?»

Мирей старательно отводит взгляд. Но и Виктор, если честно, все больше то на бумажки, то в окно.

— В распечатке, Виктор, твой график. Перерывов между встречами, к сожалению, не запланировала.

— Глаза б мои не глядели. Понедельник с вторником еще как-то. Но с девятнадцатого и до субботы безобразие, бандитизм, я не вынесу. С девяти до шести встречи. По семнадцати встреч в день. Кстати, цифра семнадцать у итальянцев невезучая.

— Ну не по семнадцати. Тут и тут, гляди, перерыв, бежать на другой стенд. На бежать от немцев из четвертого до американцев в восьмой

холл я посчитала полчаса. Бэр говорит, там не пройдешь по субботах. Пускают публику с улицы, переходы забиты, эскалаторы...

— И на входе в восьмой, в американский, секьюрити. Шарят в сумках, теряется время.

— Да, мне рассказывали. Я учла. Обрати внимание сюда. Это утро среды, девятнадцатого. С восьми до десяти. С архивом, с гуверовским. Цель — говорильня по коллекции Оболенского. Я их поставила на время завтрака во «Франкфуртере». Потом с десяти и далее трансфер, ты едешь в Кельн. С часу до полтретьего на «Немецкой волне» запись и съемка для «Транс Тель» по ватрухинской истории. Было трудно договориться об этих двух интервью, но они нужны для четвергового аукциона по Ватрухину. Я звонила на телестудию сто раз. Измором их взяла. Теперь они думают, что ватрухинские бумаги — главное на ярмарке. Вроде даже привезут живого Ватрухина. Если не обманут. Впервые в истории будет показана его рожа. Ты его разговори! Пускай расскажет, как документы из КГБ в трусах выносил. Как в мусорной корзине прятал. Какой потом поднялся вой из-за угрозы разоблачений. Нагоните там саспенс. Впрочем, саспенс из Ватрухина и так уже сочится и капает.

— Знаешь, я по части эффектов...

— Справишься, тебе не впервой. Эфир поставлен в прайм-тайм, на вечер в среду, с повторением в четверг утром. Жди, в четверг к твоему агентскому столу народ ринется выспрашивать. Вспыхнет ажиотаж. В четверг вечером бабахнешь аукцион.

Хорошо. То есть Мирейкин план действительно сделан хорошо. Искренне похвалить. М-м-м... оба натянуты, друг другу что-то доказываем. Похоже, разревновалась? Вот еще! Да, было что-то в прошлом году. Обоюдный каприз, настроение. Слава богу, что было, что поделаешь, увы — закончилось.

— Ты придумала отлично. А уж если выгорит! Четверг — тем более. Это действительно лучший день. До конца выставки остается два дня. Идеальная ситуация. Оферты будут сразу высокими.

— Мерси за похвалу. Так я про среду. Два часа прозавтракаешь, полтора проквакаешь о Ватрухине, то в микрофон, то под юпитерами. Затем обед-съемка с сотрудниками русской службы «Немецкой волны» для фильма к столетию Плетнёва.

- Погоди. Немецкая же волна в Бонне. С позапрошлого года. Почему ты меня в Кельн шлешь?
- Потому что сначала будут писать тебя на «Транс Тель», а потом русская группа вас всех снимет за обедом в ресторане на водокачке. Тоже в Кельне. Там в фильме задействованы Глецер и Федора, сослуживцы Плетнёва. Чтоб не тащить всех в Бонн. Был вариант еще в Берлине на «Дойче Велле ТВ». Но я сказала, что это даже не рассматриваем.
- М-м... Ну даже если так! Мирей! Как попаду я на радио, на кельнское телевидение, на «Транс Тель»? Где он, не помню. Еще найти эту студию. Как мне поспеть, если первый эфир в тринадцать? Это надо выезжать в восемь. А ты поставила до десяти встречу с гуверновцами. Я когда ездил на радио в Кельн в две тысячи втором, все утро просадил. Помню, поезд был в восемь тридцать. Три часа поезда. И потом еще пешком от вокзала. Кстати, а билеты? Билеты заказаны?
- А как же! Вот они. Положи в карман. Нет, не в свой, а в карман чемодана. Не три часа. Именно что дороги до Кельна всего час двадцать! Немцы в позапрошлом году пустили скоростной интерсити. Правда, красота уже не та. Вся поездка в туннеле. Та дорога, которую мы помним, осталась в прошлом. Она такая шла живописная, через Бонн и Кобленц. Виды на руины, на берега Рейна. Нас туда возили со школой на экскурсию. Панорамы, конечно, не будет. А во всем остальном не вижу сложностей.
- Ты, конечно, не видишь сложностей. Потому что, Мирей, легко тебе аппойнтменты пихать в таблицу. Сама бы вот ехала на ярмарку, бегала со стенда на стенд и трепала языком без умолку.
- А я бы с радостью. Я тут четвертый год вам бумажки с каталогами подготавливаю. Из Парижа документы шлю. Чемоданы Бэру укладываю. А на выставку вы с Бэром меня взять обещали, обещали, а когда возьмете?
- Напрасно думаешь, что там все медом обмазано. Поедешь — заплачешься. Ну расписаньице! Ты уж больше натолкать туда встреч не могла, а, Мирей? Ну вот это вот кто в десять тридцать в четверг, Корея. И зачем мне Корея? Еще и в такой день перегруженный. В четверг аукцион... А с корейцами только контракт Бузони. По мейлу уже обсосали все подробности.
- Они настаивают, Виктор. Потому что вот именно эти корейцы, как... а, издательство «Никсос». Они вообще в первый раз во Франк-

фурте. Цель — с партнерами познакомиться. У них в этом году ре-лейшнз с нашим агентством апдейтируются. То есть они тебя фотографируют, летят к себе в Корею и вклеивают твой фейс в датабейз. Хотя я бы лично, чем твою ушастую физиономию в компьютере терпеть, лучше бы вообще уволилась из издательства.

Карандаш в закрученных Мирейкиных волосах подскакивает, но не от футбольной бомбардировки снаружи, не от свистков рефери, а в такт напряженной спине и дроби пальцев по клавишам. Вот: воплощенный здравый смысл, сообразительность, сноровистость. Опорная колонна парижского отделения литагентства «Омнибус». В прошлом его, Виктора, азарт и нежная страсть, а ныне — неподводящая коллега, соратница.

Непонятно, почему Бэру бы не повысить ее. Не дать ей регион. Что она возится с чемоданами? Хотя удерживать смышленную Мирей в должности секретаря, чтоб она организовывала командировки и выезды, — это, может, действительно полезней всего для компании...

Над ключицей у нее пульсирует синяя жилка, верхняя часть голой руки такая же тонкая, как и у Виктора в памяти. Цепочка незнакомая, висюлька тоже новая, и раньше не было на левом плече индийской хинной татуировочки. Рыжина веснушек, усыпающих плечи у майки, под восхищенным мужским взглядом плавится в золото. Виктору так четко вспомнилось все остальное ниже плеч и даже значительно ниже плеч (первое чувственное воспоминание, об Антонии, выволокло за собой другое — Рождество две тысячи третьего года в Париже, когда Мирей, прицеливаясь кисточкой в лак, двинула локтем поднос и привезенное Виктором просекко выхлестнулось на расхристанную кровать), что на несколько секунд Виктор замер: а не перестать ли ему томиться по зловредной корреспондентке, которую он только что обозвал «стакановкой»? Не выбросить ли Наталию хоть на час из головы и не навалить ли, распялив длань, лапу на Мирейкино с алой буквой плечико?

Однако, вспомнив смоляную челку и расширенные, как у щенка, зрачки Наталии (логично, за вторым эротостимулом притопал третий!) и в особенности аккуратную приросшую мочку Наталиного ушка — тронуть губами это чудо предстояло Виктору или сегодня после захода солнца, или по крайности в одну из уже очень недалеких ярмарочных ночей, — Виктор последовал правилу: не бегать за отъехавшими поездами или, скажем красивее, экипа-

жами. Дождешься, что по тебе же и продавят вмятину, и на тебе же выместят все отстраданные страдания, и тогда ты, будь уверен, увязнешь хуже, чем по первому заходу.

Так как никем не доказано, что Наталия не хочет ехать за репортажем во Франкфурт... Виктор третью неделю уламывает ее ехать во Франкфурт. Наталия даже уже сказала, что если договорится с няней Любой на ночевки с семнадцатого по девятнадцатое... ну да, или по двадцать первое... и если выклянчит в редакции командировку, то после Маркова дня рождения...

Некоторое количество «если». Но все-таки может и получиться! На всякий случай подготавливаем логистику.

А что? Логистика в шляпе. И еще какая. Гостиница «Франкфуртер Хоф», по шестьсот евро за ночь, где разносортная литературно-издательская толпа бурлит в нижних холлах и в ресторане «Оскар». Упомянуть при Наталии, что «Оскар», литераторские мостки, это аналог легендарного парижского «Флора». Нужно только заказать на послезавтра на вечер столик. Сам сделаю. Мирей просить — некорректно. Позвоню-ка в «Оскар». На семнадцатое, на двоих, на двадцать один, если места остались.

И тогда среди притиснутых друг к другу как селедки издателей, шушукающихся каждый со своим скаутом, будет застолблено для него с Наталией многообещающее, не испробованное еще уединение. И они проведут вдвоем во Франкфурте все дни и особенно ночи, до субботы, когда загрохочет дискотека с одиннадцати до рассвета на празднике немецких книготорговцев в трамвайном депо. Да вообще там в субботу средневековый карнавал, мир вверх ногами! Тебе как профессионалу необходимо, Наталия! Все те, кто обычно на наши телефоны не отвечают в нью-йоркских, парижских, миланских офисах: Дэвид Розенталь из S&S's, Лэрри Киршбаум из «АОЛ Тайм Уорнер», и недоступная Сюзанна Глюк из агентства «Уильям Моррис», и даже чванные распорядители «Рэндом Хауза», ну и сюрприз, все в субботу в неожиданном рок-н-рольном оперении крутятся, вертятся, шар голубой, перепархивают с парти на парти — верхушка «Кнопфа», верхушка «Кэнонгейта»!

Наталия уже выслушала вкрадчиво изложенную программу: будет глупо не приехать, Наталия, я тебе устрою встречи с теми, о ком твои коллеги даже и не мечтают. И не беда, что во Франкфурте в ярмарочную неделю забиты отели, да, наверное, и лавки в парках, и подстилки у уличных бомжей... У меня, слава свире-

пому Бэру, просторный номер. И пусть у тебя о размещении голова не болит.

Наталия все это выслушала и кивнула. Проклевывается счастье. Попытка не пытка. Осторожно, себя не выдать. Судя по замечаниям Мирей, она еще не успокоилась. Туринская журналистка для веснушчатой Мирей как красная тряпка для быка. Невредно было бы навести Мирей на ложный след.

— Мирей. Расчисти мне во Франкфурте субботу, продохнуть хочется. Передвинь один или два аперитива на другие дни, а субботу освободи. Вдруг у меня снова выпадет везение на знакомства. На позапозапрошлом Франкфурте, помню, я подружился с двумя голландскими фотографами, они меня водили по андерграундным инсталляциям...

На самом деле это была белобрысая голландская фотография. Незабываемый субботнишний обед. И, слава небесам и удачному расписанию, ничто не мешало! После обеда и Виктор был свободен, и голландка. Ночь проплясали. Это было до истории с Мирей. Потом голландка снова возникла, звонила за советами. Кажется, хотела ехать снимать в Верхоянск, где полюс холода, пейзажи. На упряжке собак.

— Виктор, бог с голландцами, о чем-то ты не о том думаешь. Мне лично все равно. Гуляй себе и в субботу и даже в воскресенье. Но ты, похоже, не вчитался в программу. Что, не заметил, в среду девятнадцатого там теперь стоит на шестнадцать тридцать приезд любимого начальника — Бэра? Бэр будет у тебя на голове со среды до вечера воскресенья. Какие при этом раскладе гулянки?

Проклятие. У Виктора просто пол из-под ног ушел. Вот так, хлоп, рассыпалась стратегия соблазнения и отнюдь-не-в-шалаше гостиничного рая. Виктор, может быть, и не заслуживает Наталии, красавицы и умницы. Но франкфуртская атмосфера тем не менее должна же была помочь! Сам Виктор в какой был эйфории, припомнить только, как впервые попал во Франкфурт! Когда Бэр его взял в девяностом. Присмотревшись как следует после знакомства. А познакомились они с Бэром в Турине пятнадцатого февраля восемьдесят восьмого, при вручении Исайе Берлину премии Аньелли за «В погоне за идеалом». Бэр сопровождал сэра Исайю, Виктор по просьбе «Эйнауди» сопровождал Норберто Боббио. Свели старцев, переглянулись и сами перекинулись репликами, не относящимися к событию. *This was the beginning of a beautiful friendship*, как в «Касабланке».

После этой встречи Виктор стал скаутировать для «Омнибуса» и писать Бэру рефераты. Сделался незаменим. Отдалился от «Эйнауди» и в конце концов поступил на итальянский регион в «Омнибус».

Вспомнить страшно, чем приходилось Виктору заниматься в первое время. В основном отбивался от маньяков. Лезли с бредом: воспоминания какого-то партизана Бруно Лонати, якобы убившего Муссолини (то есть выходило, что не Вальтер Аудизио, не «полковник Валерио» его казнил). Следом уже стучался новый мифоман, пытался продать в «Омнибус» аляповато сфабрикованные протоколы о том, как некий капитан Джон расстрелял Муссолини по заданию Черчилля.

— Но зачем это могло быть нужно Черчиллю? — спрашивал Вика у сидящего перед ним молодцеватого деда, будто шест проглотившего, прокаленного и впрожелть крашенного.

— Объяснение почти у нас в руках. Все видно из переписки Черчилля и Муссолини.

— Что это за переписка, где вы читали ее?

— Муссолини затопил ее на дне озера Гарда перед тем, как покинул Гарньяно. Только достаньте, прочтите. Сами убедитесь. И весь мир от изумления ахнет. Давайте, архивные Пинкертоны, чемоданы ищите-то!

Бэр знай похрюкивал. Он считал, что в подобных мытарствах выковывается профессионал. Непредвзятый, с кунным нюхом, легкий на подъем, без химер и без вериг. В Милане Виктору полагалось ночевать в год не больше ста суток. Остальное — разъезды, разведки, бои. Каждый год — Лондонская ярмарка, Парижский салон книги, Туринский салон книги, Иерусалимская ярмарка, «Бук Экспо Америка». И это не все, потому что еще и Гвадалахара, и Белградская, и московская «Нон-фикшн». Мантуанская, разумеется! И малых издательств в Бельджойозо! Еще десяток забыл, поди.

Не говоря уж о главной книжной выставке года. Той, что в середине октября. Франкфуртской Бухмессе.

Да, и вот придет к нему Нати во Франкфурт. В вихрь светских удовольствий. В круг расчисленный светил. Нет, нет, ну вот зачем же Бэр вот такое вытворяет! Для Виктора тоже одно дело Франкфурт хоть и нагруженный, но самостоятельный. А другое дело — рвать постромки под плетью несравненного погонщика, Бэра.

— Боже, Бэр. Откуда? Он же говорил, что не едет во Франкфурт. Вышли ведь на позапрошлой неделе эти датские публикации, ну, картинки про Магомета... Мы их, ясно, не агентировали. Но автора-то книжки этой, Коре Блюйтгена, представляет на мировой арене именно Бэр. Тут-то всем стало ясно, что моджахеды явятся во Франкфурт, накинутся на Бэра и растерзают. И что ехать ему не надо. Вот только вчера я видел по телеку их пикеты в Копенгагене перед редакцией «Ийландс Постен».

— Да, как бы не вышло приблизительно как с Ван Гогом.

— С Ван Гогом?

— С Тео Ван Гогом.

— С Тео?

— Да ну же, с режиссером.

— Фу. Ох дедово воспитание. Первым делом мне Винсент Ван Гог привиделся с братом Тео своим. Так не надо ехать Бэру-то.

— Бэр и не ехал. А потом его вдруг внезапно пригласили вести в среду этот круглый стол в честь сорокалетия отношений Германии и Израиля. Израиль почетный гость ярмарки. Круглый стол девятнадцатого октября — самое открытие. У них в принципе имелся вроде модератор, но засбоил. Ну, они и рассудили, что лучше Бэра кандидатуры не найти. Он и жертва нацифашизма, ребенком выбрался из расстрельного рва. Он и герой армии Израиля. Воевал в Шестидневную. А ныне курируемые им книги в Германии в топовых рейтингах. Бэра все знают. Суперзвезда международного издательского коммьюнити. Стали обрывать телефон. Я ответила было — Бэр к вам, друзья, носу не покажет. Самые не относящиеся к делу датчане и те не едут. Просто потому что они из Дании. Это я сказала. И тут же Бэр разозлился и сказал: от кого и зачем я буду прятаться? Я этого пророка не рисовал и карикатур на него не агентировал!

— Но они тебе звонили или Бэру?

— Да я прямо рядом с Бэром говорила.

— Бэр что, приезжал сейчас в Париж?

— А, я не сказала тебе, что ли? Да, мелькнул в начале недели. Перед Гонконгом. Бэр еще и по той причине захотел во Франкфурт, чтобы вместе с американским «Омнибусом» поглядеть макет международной детской Библии. Ты и это не помнишь? Хотя какая разница. Ты у нас и без Библии умаянный. Она идет по американскому департаменту. Рисунки детей разных стран на сюжеты Библии.

— Ну как же. Мне писал Роберт про эту акцию. Давайте я тоже макет погляжу. Когда я вижусь с Робертом и с ребятами из департамента из нью-йоркского?

— Там все написано в таблице.

— Как, только в четверг у Бертельсмана в «Арабелле»? Между суши и шоколадным фонтаном! Ну что мы там, стоя в толпе макет этот будем разворачивать? К тому же народ по ватрухинскому аукциону как раз будет дергать меня, приставать. Слушай, Роберт разве не идет на круглый стол Бэра вечером в среду? Они прилетят из Америки в полдень. Вот и пусть придут на круглый стол. Я после обеда вернусь из Кельна, Бэр приедет, всей командой поговорим.

— Да. Нет. Роберт не может. Никто из них не может. В среду вечером у них диннер участников этой всей Библии. Только в четверг вечером Роберт и прочие могут. А на круглый стол в среду пойдешь как раз ты. Будешь создавать публику. Бэр модерирует Давида Гроссмана и Йошку Фишера. Кстати, поскольку Бэр заселится в твой номер, то тебе, дорогой, придется в среду выметаться из «Франкфуртера». Первые ночи твои, а со среды на твое место заселится Бэр. Я заказала тебе комнатенку поскромнее, в отеле у вокзала. Оттуда до «Маритима» пешком десять минут.

Мысли Виктора уже, увы, отекали от нежной тематики, от золотистого меха Мирей, от твердокаменной груди Антонии и ярких очей не дающейся в руки Наталии. Чудные образы таяли. И уже не время было хотеть взять из кармана телефон, где с экрана ударяет светлый взор из-под стриженных волос. Уберу-ка я Нати с дисплея. А то еще Мирей напорется на эту икону страсти. Уберу, пока Мирей не отбудет в Париж. Наталия скоро позвонит, увидимся вечером! Зайдем ко мне наверх после удавшейся трапезы...

...О чем ты, витун? Опять витаешь, Виктор? Не время разнеживаться. Миражам этим место в придонных слоях души. А на поверхность мыслительного процесса всплывает, в увесистости ста шести килограммов, в пропотевшей куртке, с отлетающей на пузе пуговицей, с перепутанными патлами поперек гуммозной плеси, в стоптанных замшевых «черчах» и с обжеванным карандашом в мятущихся пальцах — учредитель, несменяемый директор ме-

ждународного архивного агентства «Омнибус», Викторов шеф, жрец всех на свете кладоискателей, бог, Дэвид Ренато Бэр. Обычно это имеет такой вид. Бэр, хоть валится на голову неожиданно, уверен: одновременно курьерской почтой прибыл укомплектованный Мирейкой чемодан. Одежда собрана по трем параметрам (степень светскости, прогноз погоды, количество ночевок). Мирей собирает все распечатки, все листовки с контрактами, целиком и полностью деловой портфель.

Вот и сейчас половину документов — те, что понадобятся с четверга по субботу для собеседований в агентском центре, — Мирей послала из Парижа прямо на ярмарку на имя «Омнибуса». Там, как всегда, вложенные в гнезда гармошек и ранжированные по встречам каталоги, контракты, стейтменты, дискеты, буклеты, ксерокопии и флайеры. А для тех Викторových встреч, которые назначены до ярмарки, в гостиницах и ресторанах, Мирей подобрала в двух удобных для перелистывания папках оболенские описи отдельно, ватрухинские листовки отдельно, и все это уже рассортировано по порядку в рюкзаке.

Одежду Бэра, слышится голосок Мирей, предстоит еще стремительно дохватать по миланским магазинам. Как обычно — белье, носки. Забрать костюмы, заказанные весной в ателье на Корсо Венеция. Купить десяток галстуков. Галстуки Бэра могут считаться одноразовыми: после первого же обеда они неупотребимы. Купить ему еще куртку и несколько фуфаек для простой жизни и получить из прачечной рубашки, оставленные там в прошлый приезд.

Рубашки в прачечных дожидаются Бэра во всех пересадочных городах мира. И в мастерских. В двух-трех столицах мужской моды у портных хранятся шаблоны кроя на Бэрову нестандартную фигуру: тяжелые плечи, без шеи прикрепленная голова, толстое брюхо, длинные ноги и поджарый зад.

Как удастся Мирей облагораживать шефа на расстоянии и делать денди из распаренного чучела — загадка. Но факт налицо. Помывшись после самолета, сбрив сивую щетину, Бэр на время деловой сессии обретает, как правило, безукоризненный экстерьер. А по завершении работы превращается снова в самого себя. И за четыре часа уже обратно оброс бородою.

Бэр не имеет ни собственного, ни съемного угла. Его дома — присмотренные, полюбленные и обжитые гостиницы. Летает он без багажа, как Филеас Фогг. Сейчас он движется во Франкфурт не-

посредственно из Гонконга, где проторчал неделю, договариваясь о печатании каталогов.

Обычно Бэр катапультируется взмыленный, с набитым портфелем, с компьютером на лямке, неизвестно откуда. Известно одной Мирей. Бэр решает в последнюю минуту, какие встречи он соблаговолит осенить своей персоной. Все прочие переговоры — на ответственности заместителя Бэра по Европе, Виктора. Однако контрагенты и клиенты очень, очень ценят личное участие шефа во встречах.

Бэр — это лестно. Бэр имеет интуицию. Чует удачу. Он замышляет и с блеском разыгрывает такие комбинации, которые среди этих книг и толп и стендов все, кто вокруг кишит, мечтали бы хоть один раз за целую жизнь сварганить.

Виктор позавчера как раз прочитал лекцию об «Омнибусе» и о его основателе Бэре на курсах для аспирантов Болонского университета. Вон лекция — под пиалой с яблочными огрызками.

Дэвид Бэр — легендарная фигура среди мировых литагентов, специализирующихся на документальном нон-фикшн и архивных находках. Дэвиду Бэру неоднократно случалось находить документы, без которых (говорю без ложного пафоса) история человечества девятнадцатого и двадцатого веков выглядела бы по-другому.

Ему исполнилось только восемнадцать, когда он доставил в апреле пятьдесят шестого в израильское представительство в Варшаве одолженный у подружки-секретарши Первого секретаря компартии Польши Охаба полный русскоязычный текст доклада Хрущева на Двадцатом съезде. Советская власть официально признала, что Сталин был кровавым палачом, судебные процессы — пыточными, а экономика — основанной на труде голодающего ГУЛАГа. Мир-то догадывался, но не рисковал сформулировать. Тем более так жестко, как сформулировал Хрущев, тогдашний глава советской коммунистической власти. Доклад «О культе личности и его последствиях» был размножен и прочитан вслух членам компартии СССР. До сведения всего остального мира доклад не доводили.

Так далее, так далее. Как Бэр выпросил у девицы напрокат брошюру на несколько часов, пригласив ее вечером в кафе. Крыстина сказала — бери, но верни к четырем часам, я ее запру в сейф перед уходом.